

Гасанова Г.А.

Бакинский Славянский Университет
E-mail: gjulnara-gasanova@rambler.ru

ГЕРОИ РОМАНА Л. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» В ЛИТЕРАТУРНЫХ РАЗДУМЬЯХ Э. ЭФЕНДИЕВА

Выбор темы статьи обусловлен задачами отечественной компаративистики, нацеленными на изучение тех или иных форм межлитературной преемственной связи. Речь, в частности, идет о восприятии и духовном общении с художественным миром Толстого, а именно рецепции «семейного романа» в книге известного писателя-драматурга Э. Эфендиева.

Творчество великого реалиста, его поиски истины и мироощущения были близки и азербайджанскому прозаику. Нравственные представления, лежащие в основе авторской интерпретации, оказали влияние и на трактовку сущности художественных образов.

Размышления писателя о «семейной саге» – особенностях проблематики, идейно-художественной стороне, героях – нашли отражение в многочисленных набросках, отдельных записях и мини-эссе. Это своего рода «искорки озарения», возникшие спонтанно, неожиданно.

Они свидетельствуют о благотворном влиянии и глубоком воздействии романа Толстого на сознание и мирозерцание азербайджанского писателя и неоспоримом значении классики в современном художественном творчестве.

Таким образом, данное исследование способствует расширению наших представлений о литературном взаимодействии и межкультурном художественном диалоге.

Ключевые слова: герои романа, литературные раздумья, «диалог с самим собой», «чужая кровь», драматизм сюжета, великий психолог.

«Кто в мировой литературе пережил самое глубокое душевное потрясение? – Вронский после гибели Анны. – Но ведь роман фактически заканчивается смертью Анны. Что с того? – пишет Э. Эфендиев в наброске «Диалог с самим собой» [15, с. 15].

Мучимый раскаянием, внутренне опустошённый, Вронский добровольцем уезжает в Сербию, чтобы вдали от родины заглушить боль тоски и, быть может, бесславно погибнуть на войне.

Мог ли он предвидеть, что всё так трагично обернётся, и очередной лёгкий флирт перейдёт в глубокое взаимное чувство, перевернувшее всё.

А ведь поначалу всё складывалось так удачно. Флигель-адъютант, беспечный богатый красавец, аристократ, типичный представитель «золотой молодёжи», которому уготована блестящая военная карьера. Но страсть к замужней женщине перечеркивает всё и заставляет порвать с привычной средой, отказаться от шумных забав и вольностей и уединиться в своём имении словно в заточении, где все «движется по ложному, «сделанному» пути, который постепенно приводит героев к краху» [7, с. 61].

Такая размеренная спокойная жизнь сковывает активную, деятельную, энергичную натуру Вронского. Самоотречённая любовь Анны не приносит ему счастья, не может по-настоящему

заполнить его существование. Несмотря на сильное и глубокое чувство к ней, он всё же не способен до конца понять ни двусмысленности её положения, ни боли и мучений от разлуки с сыном, который своим «вопрошающим, противным» взглядом вызывает у него странное чувство «беспричинного омерзения». Он не готов принять её сына, он совершенно чужд ему, тогда как Каренин с самого рождения дочери Анны хотел заботиться о них, и после смерти жены забрал её к себе.

Обвинения Анны вызывают в нас не ненависть к Каренину, а скорее сочувствие и жалость. Судьба его трагична. И он вовсе не «кукла» и не «машина», как называет его в порыве отчаяния Анна. А умный, образованный и глубоко порядочный человек, способный на искренние, неподдельные чувства. Именно таким мы видим его в сцене примирения с женой. Толстой, раскрывая всю тяжесть переживаний Каренина, объясняет его поведение, отношение к жене: «Он до этого дня свидания с умирающей женой не знал своего сердца. Он у постели больной жены в первый раз в жизни отдался тому чувству умиленного сострадания, ... и которого он прежде стыдился, как вредной слабости... Он вдруг почувствовал, что то самое, что было источником его страданий, стало источником его духовной радости, то, что казалось неразрешимым, когда он осуждал и ненавидел,

стало просто и ясно, когда он прощал и любил» [12, с. 459].

Как человека внимательного, мягкого, со-страдательного характеризует его отношение к маленькой дочке Анны и Вронского.

«Когда Анна и Вронский, – пишет Э. Эфендиев в наброске «Магия Толстого», – подчиняясь безумной страсти, бросились в объятия друг друга, кто бы мог подумать, что дитём этой страсти будет девочка, которую воспитает и выведет в свет Алексей Александрович Каренин, к которому они оба испытывают генетическую ненависть и отвращение?» [15, с. 92].

Ребёнок, невинное создание смягчило душу Каренина, пробудило его отцовские чувства, хотя это дитя чужой крови и плод греха, и он готов принять его:

«Он по несколько раз в день ходил в детскую, подолгу сживал там. Он иногда по полчаса молча глядел на спящее шафранно-красное, пушистое... личико ребёнка... В такие минуты Алексей Александрович чувствовал себя совершенно спокойным и согласным с собой и не видел в своём положении ничего необыкновенного, ничего такого, что бы нужно было изменить» [12, с. 459].

Но человек не предоставлен только самому себе, он живёт в обществе и должен подчиняться его законам. «Если бы Каренин для развода принял вину на себя, закон был бы уже не в его пользу. Только в этом случае был бы возможен легитимный брак Анны и Вронского. Но это нанесло бы такой удар по репутации Каренина и вступало в такое противоречие с его принципами, что на это, как известно, он не пошел» [1, с. 200].

Его жизнью руководили грубая, властная сила, которая не давала ему того «смирненного спокойствия», которого он желал.

Эта сила – благоразумие. На это указывает и сама фамилия героя, выбранная Толстым. «Однажды он сказал мне, – вспоминает сын писателя, – Каренон – у Гомера – голова. Из этого слова у меня вышла фамилия Каренин». Не потому ли он дал такую фамилию мужу Анны, что Каренин – головной человек, что в нём рас-судок преобладает над сердцем, т. е. чувством?» [3, с. 570].

Каренин лишь внешне кажется сухим и чёрствым, его высокомерие и холодность на-

пускное. Он скрывает свои истинные чувства, не выставляет их напоказ, боясь выглядеть смешно и глупо и быть осмеянным в свете. Это та защитная стена, которой он старательно отгораживается от «живой» жизни, реальных проблем, душевных переживаний. Да, он скуп на эмоции и сдерживает их проявление. Но крах семьи, испытанная личная драма побуждают к этому. Рушатся все запреты и преграды, жиз-ненные установки.

Анне чужды его боль и страдания, оттого что она не испытывает к нему любви и привязанности. Его судьба ей совершенно безразлична, она безучастна к ней. И то, что он стал мишенью для издёвок, насмешек и сплетен её абсолютно не заботит. В нём же не угасли нежные, тёплые чувства к ней, он по-отечески её опекает, думает о здоровье младенца, сетует, что жена не заботится об этом прелестном ребёнке, он даже соглашается на все её условия, вплоть до развода, ради её счастья. Так кто же более эгоистичен, жесток и несправедлив? И после всех этих адских мук он приехал на её похороны, забрал девочку. Теперь в семье будут расти двое детей: брат и сестра. По словам Н. Воронцовой-Юрьевой, «Именно он (Каренин) и является истинно духовной личностью, наиболее способной и умеющей любить» [4].

Каренин человек долга, на него можно положить. Вронский же при всём его мужестве, благородстве, твёрдости и цельности характера, неглубокий, поверхностный человек, лишённый серьёзных устремлений. Он идёт по жизни напролом, не задумываясь о последствиях. Главное для него – добиться своего. «Не знаю, взяты ли с известного лица индивидуальные особенности Вронского, – пишет С.Л. Толстой, – его энергичность, твёрдость его характера, ограниченность и условность его нравственных правил, его честолюбие, отношение к товарищам и женщинам. Толстой мог вспомнить гвардейских офицеров, знакомых ему по Крымской кампании, или тех, которых он знал во время своего пребывания в Петербурге» [13, с. 571].

Связь Вронского с Анной с самого начала была обречена и роковая развязка неминуема. Не случайно, каждая их встреча сопровождалась страшными предзнаменованиями: гибель вокзального сторожа под колёсами поезда, снеговая метель, закрутившая всё в вихре по дороге

в Петербург, «плачевный и мрачный» свисток паровоза. А в сцене сближения с Анной он прямо напоминает убийцу, склонившегося над телом жертвы. Символически также и эпизод скачек, когда Вронский из-за эгоизма загоняет лошадь. Кстати, кличка лошади совпадает с названием французской мелодрамы Мейлока и Галеви «Фру-Фру» (1870), героиня которой тоже погибает из-за измены мужу.

Символы, выражая авторскую концепцию, несут в себе «какую-то идею, которая оказывается законом всего построения романа» [8, с. 259].

«В общей для всех «скачке с препятствиями», – отмечает В. Ветловская, – препятствием каждому служит чужое желание» [3, с. 23]. Но путь героев определен. Г. Галаган соотносит судьбы героев с их жизненным выбором: путь «неведения» (Каренин и Вронский), «эпикурейства» (Стива Облонский), «силы и энергии» (Анна Каренина) и «от слабости к прозрению» (Левин) [5, с. 832–833].

Сам того не осознавая, Вронский невольно становится причиной смерти Анны и жестоко расплачивается за это. Конечно, трудно было молодому военному, самоуверенному и отчаянному, пережить настоящую драму. Никто, как Толстой, не умел так живо и убедительно показать «текучесть» характера под воздействием неумолимых жизненных обстоятельств и впечатлений. Некогда статный, подтянутый щеголь, обольстительный соблазнитель, в конце выглядит постаревшим, осунувшимся, с застывшим окаменевшим лицом. И нет более того лоска и блеска: и глаза потухли, и залысина появилась, и борода отросла, и от прежней улыбки, некогда обнажавшей ровные зубы цвета слоновой кости, не осталось и следа. «...его создатель, – отмечал В. Набоков, – наказывая Вронского, – вернее его великолепную внешность, награждает его мастерски описанной зубной болью» [9, с. 129]. Страдания глубоко отпечатались на его лице. А ведь Вронский ещё совсем молод.

О возрасте героев романа рассуждает Эльчин Эфендиев в наброске «Возраст Вронского» [15, с. 18]. «Есть в стиле Толстого одна характерная особенность: в моём воображении его герои никак не могут перейти границы срока жизни, предначертанной им пером Толстого. Как ни стараюсь, не могу вообразить Анну, ко-

торой 60 лет, не могу и всё... Анна, допустим, не бросилась под поезд, жила себе и дожила до 60 лет, – абсолютно не вижу шестидесятилетнюю Анну! Или невозможно представить себе Вронского в возрасте 70 лет, во всяком случае, я не в состоянии этого сделать. Вот Левина в возрасте 70 лет вижу, а Вронского – никак. Могу представить себе юность даже такого типа, как Каренин, а вот старость Вронского невообразима» [15, с. 18].

Мы видим героев такими, какими их изобразил автор на страницах романа. Анна и Вронский молоды и красивы, Каренин средних лет и не столь привлекателен. Такими они и останутся навсегда, а остальное можно лишь домыслить. И потом, если вспомнить блистательных актёров, воплотивших их образы на экране, то многих уже нет в живых, а остальные настолько состарились, что их трудно узнать. К примеру, российский Вронский – Василий Лановой, которому уже за 80 и лицо избороздили глубокие морщины. А его Анны – Татьяны Самойловой, увы, уже нет на свете. Вообразить литературных героев в старости можно лишь так, ассоциативно.

Определённые ассоциации возникают и при сравнении Стивы Облонского и его сестры Анны. Она его женский вариант, он же её мужской тип. Они как бы «отражаются друг в друге». Об этом Э. Эфендиев пишет в отрывке «Новая Анна Каренина». «В мыслях вертится предчувствие (представление) какого-то странного романа. Если точнее, такое ощущение, будто прочитал новый (а именно странный) роман – «Анна Каренина». Так вот, в этом романе у князя Облонского и Анны совсем другие черты характера: Анна осталась сестрой, но в то же время обрела черты женского варианта Облонского.

То же самое и с Облонским: он продолжает оставаться братом, но выглядит мужским вариантом Анны. Остальные персонажи остаются в своей прежней ипостаси. В моём представлении – это невероятное событие, сравнимое с перестановкой мест Луны и Солнца: ночь – это на самом деле день, а день – это, выходит, ночь» [15, с. 4].

Анна Каренина и Степан Облонский (Стива, как его ласково называют в кругу родных и близких) – единокровные брат и сестра. И по-

тому очень схожи как внешне, так и свойствами характера. У обоих «неудержимый» блеск в глазах, что говорит о пылкости, страстности их натуры, огненном темпераменте. Оба стремятся к неограниченной свободе, нисколько не думая о близких людях.

Анна не любит мужа и открыто ему изменяет, и Стива тоже влюбчив и легкомыслен, заговаривает интрижки с гувернанткам. Причём ни он, ни она даже и не стараются скрыть свои похождения. Стива считает, что его терпеливая жена, мать шестерых детей, Долли должна прощать унижения и обиды, закрывать глаза на частые романы и при этом ещё быть снисходительной к нему. Анна же, не внемля просьбам мужа не разглашать своей любовной связи с Вронским, всё же не скрывает это от окружающих, выставляет постыдные отношения напоказ, тем самым уничтожив Каренина в глазах общества.

Избалованные светской жизнью, они оба безразличны и к своим детям. Анна бросает сына Серёжу, не дождавшись решения Каренина о разводе, и уезжает в Италию. К новорожденной дочери тоже равнодушна, поглощена лишь страстью. Стива тоже не занимается ни воспитанием, ни образованием детей. Всё возложил на хрупкие плечи своей послушной, покорной, забитой бытом жены. Для них «семья утратила роль морального абсолюта» [11, с. 45].

По мнению исследователя Р. Густафсона, «в отличие от драмы Стивы, драма Анны в подавлении чувства вины и в стремлении заглушить собственную совесть». Это откровенно проявляется и в сцене утешения Долли, когда Анна оправдывает брата: «Она относится к его вине точно также, как будет относиться к своей собственной вине» [6, с. 130]. Анна не воспринимает свое «личное стремление» как «греховное, преступное», для нее в нем есть своя «этическая и бытийная обоснованность», отмечает В. Свительский [10, с. 95]. «Разгульный образ жизни – визитная карточка всех представителей семейства Облонских» [4].

Как видим, Анна и Стива – родственные души, и не потребует особого напряжения мысли поменять их «сюжетные роли», как «Луну и Солнце», благодаря собственной фантазии и богатому воображению. Силой своего воображения и сообразно своим нравственным принципам Толстой «привёл» Анну на перрон

и заставил броситься под поезд. «О. Генри как-то сказал, что писатель пишет не своей, но кровью других, – отмечает Э. Эфендиев в наброске «Чужая кровь». – Эту весьма интересную мысль можно трактовать по-разному. Я соглашусь с ней в том смысле, что писатель пишет кровью (других!) только в том случае, если он сам создал этих других – Анну Каренину и мадам Бовари, Отелло и Дездемону, Лейли и Меджнуна. В противном случае писатели выглядят вампирами» [15, с. 9]. Писатель, как актёр, обладает бесценным даром перевоплощения, выступая в роли то палача, то жертвы одинаково правдиво и талантливо. Он словно переселяется в душу своих персонажей, управляет их чувствами и мыслями и определяет дальнейший ход событий, построение сюжетной линии.

О сюжете и романе, о единстве формы и содержания Э. Эфендиев размышляет в отрывке «Роман и сюжет». «Я абсолютно убеждён, – пишет он, – что сюжет не создаёт роман, напротив, роман создаёт сюжет. Роман – это значит люди, их чувства и переживания, различные уровни изучаемой природы. В сущности, и сюжет вводит в роман те же самые компоненты... Замужняя женщина любит другого мужчину, испытывает внутренние потрясения, сталкивается с равнодушием возлюбленного; не желая и не умея примириться с этим, бросается под поезд – это сюжет «Анны Карениной». Но саму Анну впервые встречаем чуть ли не на сотой странице романа. Эти 100 страниц Толстого – подготовка к роману, подступ к нему, а вовсе не к сюжету» [15, с. 33].

Цельность романа определяется не только сюжетом, описанием внешних событий, скажем, как обедает Облонский и какие плечи у Карениной, а, как отмечал сам Толстой, «собранием мыслей, сцеплённых между собою для выражения себя. Само же сцепление составлено не мыслью, а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя, а можно только посредством – словами описывая образы, действия, положения» [14, с. 785].

Толстой сумел «подчинить образы солнцу своей системы... и вести их, как сверкающее созвездие в определенном порядке» [2, с. 69].

Образы романа, видимо, оказали на Э. Эфендиева особо сильное воздействие. Полная дра-

матизма судьба главной героини настолько тронула его, что он, переживая смерть отца, обратился именно к этому роману как к отдушине. Сам он пишет об этом в наброске «После Ильяса Эфендиева». «После кончины 3 октября 1996 года Ильяса Эфендиева ровно шесть месяцев я не прочёл ни одной книги (не мог) и только вчера, 3 апреля, ночью, до самого утра читал, как в первый раз, второй том «Анны Карениной» (пятая – восьмая части); почему именно эти части? не могу сказать...» [15, с. 62].

«Читая «Анну Каренину», даже просто перечитывая страницы этого романа, начинаешь «ревновать его ко всем». Возникает жгучее желание запрятать его от посторонних глаз, чтобы никто не смог видеть... Будто он (роман) любимая женщина, которая предназначена только и только твоему взору» [15, с. 30].

Э. Эфендиев так увлёкся творчеством Толстого, что его постоянно манило в этот удивительный, волнующий, трепетный мир, он

мысленно переносился в воображаемое пространство. О своих ощущениях подкупающе искренне пишет он в наброске «Моя идиллия». «Ночами, когда одолевает бессонница..., я иногда даю себе команду «айда!» и телепортируюсь в свой мир... Там всегда конец лета или начало осени, листья ещё не все пожелтели и листопад ещё впереди, деревья ещё хранят живое тепло летнего солнца и отбрасывают волнующие душу тени. И я усаживаюсь в этой тени, достаю ручку (не машинку, не диктофон!) и начинаю переводить на азербайджанский язык «Анну Каренину»...» [15, с. 56].

Роман «Анна Каренина» подлинное творение искусства, с годами не утратившее своей жизненности. Герои Толстого по-прежнему вызывают интерес и рождают споры и размышления. Время не стерло ни свежести картин, ни яркости образов, начертанных пером великого художника.

10.06.2016

Список литературы:

1. Аксенов С. «Анна Каренина». После Толстого. // Знамя. - 2010. - №2. - С. 200-208.
2. Бурсов Б.И. Лев Толстой и русский роман. - М.-Л., 1963. - 150с.
3. Ветловская В.Е. Поэтика романа «Анна Каренина» (Система неоднозначных мотивов. // Русская литература. - 1978. - №4. С. 17-38.
4. Воронцова-Юрьева Н. Анна Каренина. Не божья тварь. / vorontsova-nvu.livejournal.com.
5. Галаган Г.Я. Л.Н. Толстой. // История русской литературы: В4-х т. Т.3. - Л.: Наука, 1982. - с. 830-836.
6. Густафсон Р.Ф. Обитель и Чужак. Теология и художественное творчество Л.Н. Толстого. СПб: Академический проект, 2003. - С. 128-142.
7. Леннkvист Б. Путешествие в глубь романа. Лев Толстой: Анна Каренина. - М.: Языки славянской культуры, 2010. - 128 с.
8. Лосев А.Ф. Логика символа // Философия. Мифология. Культура. - Л.: Политиздат, 1991. - 525 с.
9. Набоков В.В. Лекции по русской литературе (перевод И.Н. Толстого). - М.: Независимая газета, 1999. - 440 с.
10. Свительский В.А. Личность в мире ценностей. (Аксиология русской психологической прозы 1860-1870-х годов). - Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. - 232 с.
11. Сливицкая О.В. О многозначности восприятия «Анны Карениной». // Русская литература. - 1990. - №3. - С. 34-47.
12. Толстой Л.Н.. Анна Каренина. Собр. соч. в 22 т. - Т.9. - М.: Худож. лит., 1982. - 385с.
13. Толстой С.Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной» / febweb.ru. 590 с.
14. Толстой Л.Н. Письма. Собр. соч. в 22 т. Т.18. - М.: Худож. лит., 1984. - 899с.
15. Эфендиев Э. Время и Слово. Литературные раздумья. www.kitabxana.net258с.

Сведения об авторе:

Гасанова Гюльнара Алиевна, доцент кафедры «Русского языка и межкультурной коммуникации» Бакинского Славянского Университета, кандидат филологических наук
E-mail: gjulnara-gasanova@rambler.ru
AZ 1014, г. Баку, ул. Сулеймана Рустама, 25